

САЛМАН

❖ РУШДИ ❖

ОДИННАДЦАТЫЙ
ЧАС

SALMAN
RUSHDIE

THE ELEVENTH
HOUR

A quintet of stories

САЛМАН

❖ РУШДИ ❖

ОДИННАДЦАТЫЙ
ЧАС

Квинтет рассказов

Перевод с английского
Любови Трониной

издательство
АСТ

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44
Р92

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Рушди, Салман.

Р92 Одиннадцатый час. Квинтет рассказов / Салман Рушди; пер. с англ.
Л. Трониной. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2026. — 240 с.

ISBN 978-5-17-176653-5

“Одиннадцатый час” Салмана Рушди — сборник рассказов, затрагивающих темы старения, памяти, смертности и той особой ясности, которая нередко приходит на закате жизни. В этих рассказах автор вновь обращается к ключевым мотивам своего творчества: поиску идентичности, силе слова и зыбкой грани между реальностью и воображением. Однако здесь звучит и новая интонация — чувство конечности времени, подведение итогов и взгляд в прошлое. Герои Рушди размышляют о несбывшихся надеждах, исчезнувших мирах и совершенных ошибках.

Сочетая изящную легкость с тонкой эlegичностью, “Одиннадцатый час” предстаёт произведением зрелого мастера, который размышляет о времени, смерти и собственном наследии, сохраняя при этом присущие ему остроумие, жизненную энергию и поразительное мастерство рассказчика.

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-176653-5

- © Salman Rushdie, 2025
- All rights reserved
- © Л. Тронина, перевод на русский язык, 2026
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
- © ООО “Издательство АСТ”, 2026
- Издательство CORPUS ®

Содержание

НА ЮГЕ

11

АРТИСТКА ИЗ КАХАНИ

35

ЗАДЕРЖАВШИЙСЯ

137

ОКЛАХОМА

141

СТАРИК НА ПЛОЩАДИ

213

*Посвящается
Стиву и Анни Мерфи,
а еще Элизе,
разумеется*

HA IOΓE

День, когда упал Младший, начинался как и любой другой: рябь в воздухе от вспышки зноя, трубный глас солнца, набегающий волнами шум машин, молитвенный напев в отдалении, музыка из второсортного кино этажом ниже, танцы в соседском телевизоре с тряской бедрами, детский плач, материнский окрик, смех неизвестного происхождения, алые плевки, велосипеды, свежезаплетенные косички школьниц, запах крепкого кофе, промельк изумрудного крыла в листе... Старший и Младший, два глубоких старика, очнулись в своих спальнях на четвертом этаже дома цвета морской волны в зеленом переулке неподалеку от пляжа Эллиотс-Бич, где по вечерам обычно собиралась молодежь, чтобы исполнять ритуалы юности, — по соседству с поселком рыбаков, у которых на все эти вольности не было времени. Бедняк — он днем и ночью пуританин. А старики исполняли свои ритуалы, и дожидаться вечера им не нужно было. Когда солнце вошло в них свои лучи, проникнув сквозь жалюзи, оба с трудом встали на ноги и, пошатываясь, вышли на соседние лоджии, появившись на сцене почти одновре-

менно, как герои старинной сказки, попавшие в силки фатальных совпадений, не способные избежать последствий случая.

Почти сразу они заговорили. Слова их были не новы — ритуальные реплики, реверансы новому дню в формате переключки, похожей на ритмический диалог, или поединок виртуозов карнатической музыки¹ на ежегодном декабрьском фестивале.

— Скажи спасибо, что мы обитаем на юге, — начал Младший, зевая и потягиваясь. — Южане мы — на юге города живем, и на юге страны, и на юге материка. Хвала Всевышнему! Мы душевные ребята, неспешные и любвеобильные, не то что эти северяне, холодные, как рыбы.

Старший, почесав сначала живот, потом затылок, тут же ему возразил.

— Во-первых, — заявил он, — юг — это условность, его договорились так называть, и только поэтому он существует. А вот считалось бы, допустим, что верх земного шара с другой стороны! И были бы мы северянами. Вселенной безразлично, где верх, где низ, как, скажем, и собаке. Собака север от юга не отличает. Во-вторых, тебя, например, особенно душевным не назовешь, а услышав о твоём так называемом любвеобилии, всякая женщина рассмеялась бы, но ты уж точно нетороплив, и это еще слабо сказано.

Так они и жили — вечно схватываясь, нападая друг на друга, подобно древним борцам, связанным

¹ Карнатическая музыка — индийская классическая музыка, распространенная преимущественно на юге страны (*Прим. ред.*)

веревкой за лодыжки. Веревкой этой, так крепко их сопрягшей, было имя. По любопытной случайности — которую они считали судьбой, но вслух называли проклятием, — оба носили одно и то же имя, длинное, как и многие имена южан, и оба ленились его выговаривать. Отменив имя, сократив его до инициала V, они сделали свою связь невидимой, но существовать-то она не перестала. Старший и Младший повторяли друг друга и во многом другом — оба были тонкоголосые, жилистые и среднего роста, оба близорукие и оба, всю жизнь прогордившись своими зубами, покорились в конце концов унижительной неизбежности протезирования, но это неупотребляемое имя, это симметричное V, Имя-Которое-Не-Выговоришь, объединяло их прежде всего, и уже много десятилетий.

Дни рождения у стариков, правда, не совпадали. Один был на семнадцать дней старше другого. Отсюда и произошли, наверное, “Старший” и “Младший”, хотя прозвища эти использовались так давно, что все уже забыли, кто же их придумал. И стали они навсегда Ви Старшим и Ви Младшим, вечно спорившими друг с другом не на жизнь, а на смерть, Младшим Ви и Старшим Ви. Обоим исполнился восемьдесят один год. Если старость сравнивать с вечером, за которым следует полуночное забвение, для них уже давно шел одиннадцатый час.

— Выглядишь ужасно, — сказал Младший Старшему, как говорил каждое утро. — Словно помирать собираешься.

Старший, угрюмо кивнув, отвечал — тоже согласно их частной традиции:

— Лучше так выглядеть, чем как ты — словно все еще жить собираешься.

Оба теперь плохо спали. Лежали по ночам на жестких постелях без подушек, гоня беспокойные мысли за сомкнутыми веками. Из них двоих Ви Старший прожил гораздо более насыщенную жизнь. У него было девять старших братьев, и все они преуспели на избранном поприще, сделавшись спортсменами, учеными, педагогами, военными, священниками. Он и сам стал в колледже чемпионом по бегу, потом дослужился до высокого поста в железнодорожной компании и много лет ездил по железным дорогам — десятки тысяч километров отмахал, убеждаясь сам, а затем убеждая начальство, что безопасность обеспечивается. Он женился на хорошей женщине, стал отцом шестерых дочерей и троих сыновей, которые, оказавшись в свою очередь все как один плодовитыми, понаделали ему вагон внуков, а именно тридцать три. Девять его братьев тоже наплодили детей — племянников и племянниц Старшего (и их в общей сложности было тридцать три), а те взвалили на него еще не меньше ста одиннадцати родственников. Многие посчитали бы это подарком судьбы, ведь человек, которому посчастливилось иметь семью из двухсот пяти человек, воистину богат, однако аскетичному Старшему такое изобилие причиняло легкую, но непроходящую головную боль.

— А как бы спокойно жилось, будь я бездетным, — частенько говорил он Младшему.

Выйдя на пенсию, Старший каждый день встречался с девятью своими друзьями, они собирались по близости, в одной из кофеен района Бесант-Нагар, — поговорить о политике, шахматах, поэзии и музыке, и некоторые комментарии Старшего на упомянутые темы публиковались в лучшей городской газете. В числе его друзей был и редактор этой газеты, и один из ее постоянных авторов — местная знаменитость, любитель (немного) побуянить и (много) выпить, но при этом автор уморительнейших политических карикатур. Был и лучший астролог города, который учился на астронома, но пришел к убеждению, что истинные послания звезд через телескоп не считываются, был и стартер, много лет стрелявший из пистолета на популярнейших скачках, и прочие. Старший наслаждался их обществом и любил говорить жене, что это великое дело — иметь друзей, у которых постоянно чему-то учишься. Но все они уже поумирали. Сгорели один за другим, и кофейня, где сохранилась бы память о них, пошла под снос.

Из десяти братьев остался он один, и жены братьев тоже давно отправились на тот свет. Даже добрая жена Старшего умерла, и он на старости лет женился повторно — нашел себе через брачного агента вдову с деревянной ногой, но этим удобным для обоих союзом оба были недовольны. Вместо несчастливого одиночества они попали в ловушку несчастливого сожительства. Старший относился ко второй жене с таким